

Крики ангелов

Аксель Панцер

18+

Аксель Панцер

Крики ангелов

«Автор»

2026

Панцер А.

Крики ангелов / А. Панцер — «Автор», 2026

Освенцим, 1944 год. За колючей проволокой люди исчезают, превращаясь в номера, пепел и строки в лагерных списках. Француженка Жанна Леруа и узник зондеркоманды Давид Розен пытаются сохранить то, что уничтожить труднее всего, — имена и память. Ночь, когда над лагерем раздаются крики детей, становится для них границей, после которой молчать уже невозможно. «Крики ангелов» — историко-психологическая повесть о свидетельстве, сопротивлении и правде, пережившей своих палачей.

© Панцер А., 2026

© Автор, 2026

Аксель Панцер

Крики ангелов

КРИКИ АНГЕЛОВ

Историко-психологическая повесть

Аксель Панцер

Глава 1

ЗА ПРОВОЛОКОЙ

Утро в Биркенау начиналось не с рассвета.

Оно начиналось со свистка.

Жанна Леруа проснулась за несколько мгновений до него и открыла глаза в темноту. Над лицом почти вплотную висели доски верхнего яруса нар. В щелях застряла солома. Справа тяжело дышала Мария Новак, полька из Кракова; слева свернулась Анн Девер, молодая бельгийка, прибывшая недавно и ещё не научившаяся спать там, где десятки чужих тел дышат почти в одно лицо.

Жанне снилась школа.

Она стояла у доски и писала мелом дату. За окнами шёл весенний дождь. Дети шуршали тетрадами, кто-то спрятал под партой яблоко. Она повернулась, собираясь сделать замечание, и вдруг не смогла вспомнить ни одного имени.

Второй свисток вырвал её из сна.

— Вставай, — сказала она Анн.

Девушка открыла глаза. Первую секунду в них было непонимание; потом память вернула барак, и лицо сразу стало старше.

В проходе уже толкались женщины. Кто-то искал башмак, кто-то затягивал верёвкой одежду, кто-то кашлял так, будто лёгкие выворачивались наружу. Двери распахнулись. В барак ворвался холодный воздух.

Несколько секунд он казался чистым.

Потом ветер переменился, и Жанна почувствовала дым.

К этому запаху невозможно было привыкнуть окончательно. Можно было перестать замечать его на час, на два, иногда на полдня, но стоило ветру повернуть — тело вспоминало раньше сознания.

Женщины вышли на плац.

Над лагерем только начинало светлеть. Бараки тянулись ровными рядами, дальше блесла проволока, за ней стояли вышки. На одной часовой поправил оружие. Жанна опустила глаза.

Так было безопаснее.

Не смотреть слишком долго. Не спрашивать. Не выделяться. Не помогать прежде, чем убедишься, что не погубишь двоих.

Это правило она усвоила после того, как однажды бросилась поднимать пожилую женщину и получила удар. Позже та сама сказала ей:

— В следующий раз не делай этого.

— Почему?

— Потому что погибнем обе.

Теперь Жанна понимала.

Началась перекличка.

Немецкие слова давно перестали быть для неё языком Гёте и Гейне. Здесь они звучали как команды: встать, построиться, быстрее, тишина. Иногда ей казалось, что слова тоже можно заключить в лагерь, заставив служить тому, для чего они не были созданы.

Числа не сошлись. Считали снова.

Женщина в соседнем ряду пошатнулась и упала на колени. Никто не двинулся. Жанна смотрела перед собой и чувствовала, как внутри всё сопротивляется собственному бездействию.

Наконец переключка закончилась.

Жанну направили к лазарету. Знание французского и немецкого иногда делало её переводчицей. Это не было спасением, но давало возможность бывать под крышей и видеть людей из разных стран — француженок, полек, голландок, чешек, венгерок.

И детей.

Последних она старалась не замечать.

Поэтому замечала всегда.

У входа заключённая-врач сказала:

— Сегодня много.

— Больных?

Та посмотрела на неё.

— Новых.

Издалека донёлся гудок паровоза.

Все возле барака на мгновение замолчали.

Поезда приходили всё чаще.

— Откуда? — спросила Жанна.

— Венгрия.

Через несколько минут началась работа. Имя. Возраст. Жалобы. Перевести вопрос. Передать приказ. Объяснить, куда лечь.

Одна француженка, держась за бок, сказала:

— У меня в Лионе была маленькая мастерская.

— Вам нужно беречь силы.

— Возле окна стоял манекен. Красное платье я так и не закончила.

Врач ждала перевода симптомов. Жанна перевела только медицинскую часть.

Красное платье оставила себе.

Во время короткого перерыва она вышла наружу. Мария сидела у стены с металлической кружкой.

— Сегодня опять много детей, — сказала она.

— Откуда знаешь?

— Видела колонну.

Жанна резко ответила:

— Не надо.

Мария посмотрела на неё.

— Если не говорить, их не будет?

Жанна сразу пожалела о тоне.

Они молчали. Потом Мария сказала:

— У меня было двое.

Жанна знала.

— Иногда уже не могу вспомнить голос младшей.

— Вспомнишь.

— Лицо помню. Волосы. Синее платье. А голос — нет. Вот чего я боюсь.

Жанна посмотрела на неё.

Она боялась того же.

— Рассказывай мне о ней.

— Зачем?

— Чтобы помнили двое.

Мария сжала кружку.

— Её зовут Зося. Она боится гусей.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что теперь я это знаю.

Вечером, после ещё одной переклички, женщины вернулись в барак. Анн лежала лицом к стене.

— Как тебя зовут полностью? — спросила Жанна.

— Анн Девер.

— Откуда?

— Брюссель.

Через минуту Анн тихо сказала:

— Ты ночью говоришь имена.

Жанна повернулась.

— Какие?

— Не знаю. Много.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить учеников.

Пьер.

Клэр.

Морис.

Элен.

Франсуа.

Имена возвращались одно за другим.

За стенами барака раздался далёкий грохот вагонов.

Новый поезд входил в лагерь.

Глава 2

ПОЕЗДА

Поезда приходили почти без перерыва.

Жанна научилась различать их ещё до того, как слышала свист. Земля начинала едва заметно дрожать, потом появлялся мерный перестук колёс, металлический скрежет на повороте и тяжёлое дыхание паровоза.

Ночью звук был особенно отчётлив.

Состав останавливался — и несколько секунд стояла тишина. Потом открывались двери.

Вновь прибывших отличали вопросы.

— Где вода?

— Куда идти?

— Где мой муж?

— Нам вернут вещи?

Люди ещё спрашивали. Те, кто прожил за проволокой достаточно долго, спрашивали всё реже.

В то утро Жанну вместе с Марией отправили к складам имущества. Перед ними лежали чемоданы, узлы, корзины, пальто, посуда, детские коляски. На многих чемоданах были аккуратно написаны имена и адреса.

Это поражало Жанну больше количества.

Люди подписывали вещи, чтобы потом найти их.

Они верили в «потом».

Один коричневый чемодан носил фамилию KLEIN и точный адрес. Улица, номер дома, город. Человек оставил лагерю указание, откуда его привезли.

Работа была проста: обувь отдельно, одежду отдельно, посуду, документы, ценности, детские вещи — по своим местам.

Лагерь ничего не терял.

Он умел превращать исчезновение человека в имущество.

Около полудня прибыл новый транспорт. С рампы донеслись команды, лай собак, венгерская речь. Где-то дальше за лагерными строениями звучала музыка. Оркестр не был частью самой селекции, но весёлый марш, долетавший из лагеря, делал происходящее ещё более невозможным.

— Зачем музыка? — спросила Мария.

Жанна пожала плечами.

— Чтобы не слышать?

— Кто?

Мария не ответила.

В это время в одном из вагонов стояла Ева Вайс.

Она не знала названия места. Кто-то сказал «Освенцим», другой поправил: «Аушвиц». Для Евы это было просто ещё одно незнакомое слово в длинной дороге.

Ханна, девяти лет, держала её за руку. Шестилетний Миклош спал у стены, положив голову на свёрнутое одеяло.

— Мы приехали? — спросила Ханна.

— Наверное.

— Папа может быть здесь?

Ева отвернулась.

Её мужа Андраша забрали раньше. Было одно письмо, потом тишина. Детям она говорила:

— Папа работает.

Теперь Ханна спросила:

— Тогда он нас найдёт?

— Конечно.

Ложь становилась легче, если произносить её уверенно.

Задвижка загрохотала. Дверь отъехала. Свет ударил внутрь вагона. Снаружи кричали, приказывая выходить.

Ева подняла Миклоша, повесила через плечо свёрток и сказала:

— Не отпускайте меня.

На рампе всё двигалось одновременно. Мужчины в форме, собаки, заключённые в полосатой одежде, чемоданы, дети, старики. Вещи велели оставить в вагоне.

— Но там документы, — сказала Ева.

— Оставить!

Она сделала шаг назад, но охранник уже смотрел на следующих.

Ханна спросила:

— Потом вернут?

— Вернут.

Ева ещё верила, что существует порядок, в котором документы имеют значение.

Людей начали разделять. Мужчины — в одну сторону. Женщины и дети — в другую. Офицеры проводили селекцию быстро: короткий взгляд, иногда вопрос о возрасте или профессии, движение руки.

Перед очередью Ева наклонилась к дочери:

- Если спросят, тебе двенадцать.
- Но мне девять.
- Теперь двенадцать.
- Почему?
- Так надо.

Офицер посмотрел на Ханну, на Миклоша, спросил возраст мальчика. Ева ответила честно: шесть.

Рука показала в сторону.

Ева выдохнула. Ей показалось, что проверка пройдена, потому что детей не отделили.

— Видишь? — прошептала она. — Всё хорошо.

Они пошли вместе.

Миклош поднял голову.

— Мама, здесь плохо пахнет.

Ева посмотрела на дым.

— Наверное, фабрика.

— Что делают?

Она не знала.

За спиной открывались двери следующих вагонов.

Новые люди спускались на рампу.

Новые матери говорили детям, что всё будет хорошо.

Глава 3

ЕВА

За три недели до Аушвица Ева Вайс ещё закрывала окна на ночь.

Это было обычное движение: проверить занавески, убрать чашки, войти к детям. Ханна спала, повернувшись к стене. Миклош лежал поперёк кровати, сбив одеяло.

Дом оставался домом даже после того, как забрали Андраша. На подоконнике цвела герань, на кухонной полке лежала деревянная ложка с треснувшей ручкой, которую муж обещал выбросить уже третий год.

Однажды вечером соседка, госпожа Фаркаш, постучала три раза.

— Собирают списки, — сказала она.

— Какие?

— На отправку.

Слово повисло между ними.

— Куда?

— Никто не знает.

— Может быть, переселение.

Соседка посмотрела почти сердито.

— Ты сама веришь?

Ева не ответила.

После ухода соседки она достала последнее письмо Андраша. В нём были осторожные фразы о здоровье, работе, фасоли у забора, домашнем супе. Последняя строчка звучала просто: «Береги детей».

Утром Ева начала собирать чемодан.

— Мы куда-то едем? — спросила Ханна.

— Пока не знаю.

— Тогда зачем чемодан?

— На всякий случай.

Вся жизнь должна была поместиться в один чемодан. Бельё, носки, мыло, полотенце, немного хлеба, документы. Потом Ева взяла семейную фотографию: Андраш сидит на скамейке, Ханна рядом, Миклош ещё маленький у неё на руках. Все щурятся от солнца.

Она завернула снимок в платок и положила рядом с письмом.

За ними пришли на рассвете.

Ева была готова. Дети спали в одежде.

— Вставайте.

Миклош заплакал. Ханна ничего не спросила.

На улице соседи смотрели из-за занавесок. Госпожа Фаркаш стояла у своего крыльца и подняла руку. Еве хотелось крикнуть: «Если Андраш вернётся, скажите, что мы ждали». Но их уже торопили.

Она закрыла дверь на ключ.

Только потом подумала: зачем?

На площади собрались семьи. Пекарь, врач, учитель музыки, девушка из магазина тканей. Обычные люди, которых теперь объединял чемодан у ног.

На станции стояли товарные вагоны.

— Здесь дети! — кричал кто-то.

— Там нет сидений!

— Куда нас везут?

Ответом были команды.

Перед посадкой Ханна спросила:

— А если папа вернётся?

— Госпожа Фаркаш скажет.

— Ты ей сказала?

Ева не ответила.

Дверь вагона закрылась.

Первый день дети ещё воспринимали дорогу как путешествие. Миклош считал остановки. Ханна пыталась узнавать города по звукам. Через щель были видны зелёные поля, дома, коровы, люди, работающие на земле.

На второй день закончилась вода.

Тогда путешествие закончилось.

Началась дорога.

Миклош просил пить. Ханна заставила мать сделать глоток из последней бутылки. Ева только смочила губы и сказала, что выпила.

Ночью люди говорили.

— Нас везут работать.

— Детей оставят с семьями.

— Должны дать воду.

— Должны зарегистрировать.

«Должны» стало последней защитой от невозможного. Люди верили, что существует черта, которую никто не перейдёт.

Дети были этой чертой.

На четвёртый день Ханна спросила:

— Если мы умрём, папа узнает?

Ева резко повернулась.

— Не говори так.

— Я просто спросила.

— Мы не умрём.

— Почему?

Ева хотела сказать: потому что я не позволю. Но девочка уже была слишком взрослая для такой лжи.

— Потому что я так решила.

Ханна улыбнулась.

— Это не причина.

— Для матери — причина.

Через несколько минут она спросила:

— Когда всё закончится, можно я заведу собаку?

— Какую?

— Большую.

— Большая много ест.

— Тогда маленькую.

— Маленькая много лает.

— Тогда среднюю. Белую. Назову Бела.

Они обсуждали несуществующую собаку в вагоне, где кто-то стонал, кто-то молился, а кто-то уже не двигался.

Иногда вымышленная собака была полезнее правды.

Под утро последнего дня поезд замедлился. В вагон проник странный запах.

— Что там жгут? — спросила женщина.

Никто не ответил.

Ева достала расчёску и причесала детей.

— Зачем? — спросила Ханна.

— Чтобы выглядеть прилично.

— Перед кем?

Ева остановилась.

— Не знаю.

За дверью загрохотала задвижка.

Через несколько минут они оказались на рампе.

Глава 4

ОРКЕСТР

Музыку Ханна слышала раньше матери.

— Мама, там играют.

Ева прислушалась. Из лагеря действительно доносилась мелодия — марш, слишком лёгкий для места, в котором люди кричали, теряли чемоданы и пытались не выпустить из рук детей.

Она не могла понять, откуда звучит музыка и для кого.

Ханна решила проще:

— Значит, здесь бывают концерты.

Ева промолчала.

Перед ними медленно двигалась колонна. На земле лежали узлы, пальто, бутылки, зонты. Мир, привезённый в вагонах, рассыпался вдоль путей.

У места селекции молодую женщину перед Евой отделили от четырёхлетней дочери.

Женщину звали Клара, ребёнка — Илонка. Это Ева слышала ещё в очереди.

Офицер спросил возраст. Кларе было двадцать пять. Он велел отдать девочку пожилой женщине и перейти в группу работоспособных.

— Нет. Она со мной.

Илонка вцепилась в платье матери.

— Только ненадолго, — говорила Клара. — Я скоро приду.

Охранник торопил.

Кларе пришлось разжимать маленькие пальцы один за другим.

Ева запомнила именно это.

Не крик.

Пальцы.

— Мама, ты меня не отдашь? — спросила Ханна.

— Никогда.

Это было обещание, которое мать имела право дать, даже если мир уже не позволял ей выполнить его.

После селекции Еву с детьми повели дальше.

У Ханны натёрлась пятка. Ева разорвала носовой платок Андраша и перевязала ногу.

— Папа бы сказал, что ты всё портишь, — заметила Ханна.

Ева впервые за дорогу улыбнулась.

Именно в этот момент Жанна увидела их издалека.

Она несла ящик между складами и заметила женщину с двумя детьми. Девочка прихрамывала. Мальчик прижимал к груди деревянную машинку с одним светлым колесом.

— Жанна, — позвала Мария. — Идём.

Жанна отвернулась, но через несколько шагов снова посмотрела.

Семья уже исчезла среди людей.

Позже, у здания, где вновь прибывших держали перед дальнейшими распоряжениями, охранник заметил машинку Миклоша.

— Оставить.

Мальчик прижал её к груди.

— Нет.

— Миклош, дай мне.

— Она моя.

Ева увидела лицо охранника и осторожно разжала пальцы сына.

— Потом возьму.

Миклош плакал молча.

— Ты всё потом берёшь.

Ева положила игрушку на землю.

Колонна пошла дальше.

Ханна оглянулась. Машинка ещё несколько секунд лежала между чужими ногами, потом исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.